

UDC 94(47).066

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-11-21

BUGROV Konstantin D.,
Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com

БУГРОВ Константин Дмитриевич,
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

**COLLECTIVE ACTOR OR RHETORIC FIGURE?
"THE NOBILITY" AND "THE STATE" IN
POLITICAL PROCESS OF THE 18th CENTURY
IN RUSSIA**

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ АКТОР ИЛИ
РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА? «ДВОРЯНСТВО»
И «ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ РОССИИ XVIII в.**

The article is devoted to the problems of historical study of social role of the nobility and the state as collective actors in the 18th century in Russia. As a rule, historians are constructing the collective actors on the basis of presumably group belongings or on the basis of presumably shared group interests. The notion about struggle of interests between the collective actors is fundamental for the most of explanatory models in political history. Analyzing the basic concepts of the present-day historiography, the author shows that the references to the significant collective actors could not be verified in the majority of cases: the "nobility" appears, in fact, as a set of fragmented territorial corporate groups, while the "state" was usually represented in practice by the narrow circle of the central elite or even by the lonesome figure of the Emperor hypothetically having knowledge of the valid interest of the "state". In addition, both the nobility and the state bureaucracy were overlapping each other, since in the most of situations the nobles were leading the bureaucratic institutions, especially at the top of the Imperial hierarchy. The author points at the communicative character of the political process, which means that the large collective actors were in fact the rhetoric figures, who were constituted within the framework of political communication of the relatively narrow groups of elite. The final conclusion is that both "state" and "nobility" might not be seen as the actors, but rather as the rhetorical figures, which were used by the certain groups of elite to implement their political practices.

В статье рассматриваются проблемы исторического изучения социальной роли дворянства и государства как коллективных акторов в России XVIII в. Как правило, историки конструируют коллективного актора на основании групповой принадлежности либо на основании групповых интересов. Понятие о борьбе интересов коллективных акторов лежит в основе большинства объяснительных моделей политической истории. Анализируя концептуальные основания современной историографии, автор показывает, что отсылки к крупным коллективным акторами в большинстве случаев невозможно верифицировать: «дворянство» на деле существовало как набор фрагментированных по территориальному принципу корпоративных групп, а «государство» на практике сводилось к узкому кругу элиты имперского центра или даже к одинокой фигуре императора, предположительно владеющей знанием реальных интересов «государства». Кроме того, дворянство и государственная бюрократия накладывались друг на друга, поскольку в большинстве случаев руководителями бюрократических структур и были дворяне, особенно – на вершине административной иерархии. Автор указывает на коммуникативный характер политического процесса, означающий, что крупные коллективные акторы являются на деле риторическими фигурами, конституируемыми в рамках политической коммуникации относительно узких группировок элиты. На этом основании автор приходит к выводу о том, что целесообразно считать «дворянство» и «государство» не акторами, но риторическими фигурами, с использованием которых те или иные группировки элит реализовали властные практики.

Keywords: politics, rhetoric, monarchy, political struggle, nobility, absolutism, political class, state, elite, 18th century, Russia.

Ключевые слова: политика, риторика, монархия, политическая борьба, дворянство, абсолютизм, политический класс, государство, элита, XVIII в., Россия.

**COLLECTIVE ACTOR OR RHETORIC FIGURE? "THE NOBILITY" AND "THE STATE"
IN POLITICAL PROCESS OF THE 18th CENTURY IN RUSSIA**

One of the predominant narratives in the Russian history of the 18th century is the narrative of struggle between the nobility and the state. For example, A.V. Shipilov notes as follows: «The gentleman constituted the political class, the exclusive strata, which was sitting on civil and political rights. Initiated as early as the 18th century, the nobility's fight for freedom/supremacy had been enduring process, but finally it was crowned with unconditional success: the Manifest Proclamation of 1762, and then the Grant Charter of 1785, officially assigned the noble class with both privileges» [1, p. 134]. This note acts as a starting point for the present article, and the quotation «illuminates from beneath» those particular key points, which I would like to discuss: characteristics of the nobility as *collective actor* («political class»), which fights and wins from the other collective actor, from the state. Below, I suggest to consider two major problems in details: characteristics of the nobility as the «political class» and its presumptive struggle for own sectional interests, including «freedom».

I

The nobility is characterized as collective actor in the large variety of current works on political history¹. But is it possible to suppose it like this? A traditional piece of work by G.A. Gukovsky, having equally great significance just as for political history of Russia in the 18th century, so for literary history, is the best illustration of such a Marxist coupling of social, economic and political aspects together. Economics designates political thinking, which means that in the most instances economic characteristics are sufficient for understanding any political actions of a party. Speaking, for example, about «Noble Fronde», Gukovsky has easily identified various political events as manifestation of group interests by a collective actor – the nobility [2, p. 124-127].

Is there any way to identify this collective actor as the nobility? S.M. Troitsky, for instance, wrote about Commission on noble liberty, founded by Catherine II in 1762, as follows: «All its members, regardless of origin and belonging to various ruling groups, which had been fighting for their power and influence, were solid in defense and upholding of interests of that estate, to which they belonged». However, Catherine II declined proposals submitted by «noble ideologists», and this – Troitsky outlined – «bears the testimony about tremendous power of the absolute monarchy, which being supported by noble guard, bureaucracy, police, and other “levers of power”, could decline proposals of the prelacy, and was able to make a decision upon the “noble matter” by taking into account interests and values of the whole noble state. <...> While the Establishment Commission had been in operation, Catherine II had got an opportunity to become more fundamentally aware of attitude and demand of the broad strata among metropolitan and provincial nobility, following which step by step, she carried into execution several of their demands, and in 1785 she issued the Charter to the Nobility» [3, p. 190-192].

In an equivalent manner, I.V. Faiyzova estimates the Manifest Proclamation of 1762 as an instrument liberating «the ruling class from obligatory public services», and placing it effectively into equilibrium relations with the state [4, p. 3]². Correspondingly, Faiyzova characterizes the members of Commission on noble liberty as «the most powerful protectors of estate privileges for those landlords, who were tightly connected to the metropolitan nobility», coming to a conclusion that: «The activities of nobility representatives were evaluated as negative ones by the Empress» [4, p. 100-101]³.

As it is clear from the above mentioned quotations, some of researchers consider the Commission on noble liberty as de facto institution of nobility representatives. But, as O.A. Omelchenko fairly distinguishes, the Commission in fact was «the government of Russia at that date» [5, p.14]⁴: the leading administrators of the empire had been cast into that body, and after its activity was over, all of them (except for A.P. Bestouzhnev-Ryumin in advanced years, and M.I. Vorontsov unfavorable for Catherine) successfully continued their careers as the Court Nobility. How could it happen that a group of prelacy (especially including persons of commoner's ancestry, like Razumovsky and Teplov) had been considered as «noble ideologists», instead of being related to the part of that guardian-bureaucratic-police system, which by its own desire provided «tremendous power» to the absolutism? In what way at all is it possible to define the sectional identity of noblemen group participating in the state administration? Was the policy, implemented by noblemen sitting in bureaucrat's armchairs, the «noble» politics or after all the «state» one? How could you know positively that we are really talking about the nobility, exactly or generally?

Perchance, one or another entity should be referred to the pool of «noble ideologists» according to the principle of «qui bono»: if any of given propositions were made in favor of noble privileges, then those, who promoted such proposals, should be considered as exponents of the nobility, shouldn't they? Isn't it correct, indeed, to deem «noble ideologists» kind of lobby members? This is for a good reason; of course, the administrative vertical line conducted information from bottom to top, so, some

¹ I'd like to bring into focus: I'm speaking expressly about political history, since, beyond political agenda, there are different ways to characterize nobility as collective actor. It is possible to characterize nobility as economic actor, for instance, by realizing complex analysis of noble economies in designated area. Value of indexes will provide insight into nobility understanding as the collective economic actor; at least, any noble economy participates in economic functions, namely produces, assembles, and trades.

² Faiyzova I.V. «The Manifest Proclamation on liberty» and nobility service in the 18th century. M.: Science, 1999. P. 3.

³ The same source, p. 100-101.

⁴ Omelchenko O.A. The Imperial Assembly in 1763 (Commission on noble liberty): Historical sketch. Documents. M.: MSHU, 2001. P. 14.

actions entertained by the leaders of the court nobility and administrative aristocracy may be appraised under the notion of government relations. However, in this context the questions that have to be answered are: What is the sectional interest? What is, in particular, the state interest?

Thus, M. Raeff remarked that no signs of nobility group pressure against the government were registered, and the Manifest of 1762 was arranged as the purposeful governmental measure, which allowed to «get rid of inadequately educated, inexpedient, and over aged staff personnel» in the service ranks of the state. In Raeff's opinion, who has been developing the concept of «well-disciplined police-ridden state», the primary objective for the purposes of Russian absolutism, was «provision of the maximal evolution for potential resources of the Empire and its population» [6, p. 1291-1294, 1302]¹ along the lines of modernization, secularization, bureaucratization, and growth of economic activity.

But what evidences may bring assurance that we are *objectively* suggested the state message? The representational criterion is subject to the same difficulties, as the definition of nobility. Dilemma is stipulated with the fact that politically-motivated decisions are delivered by public officials, members of the court nobility and administrative aristocracy; it is a complicated, if not to say impossible, problem to draw a boundary between such diverse equivalences.

The question «*qui bono?*» does not produce less formidability. It is possible, if you like, to say that usually (and more often rather instinctively than reflexively) historians represent the interests of the state as sure as perspectives of «the entire» versus various kinds of social «the ego». As such, B.N. Mironov specifies: «neither in the 18th century, nor in the 19th century, the emperors had become ordinary speakers for the noble values. The autocracy demonstrated sufficient independence in its own policy, which most commonly was governed by purposes of the policy itself and then the state interests» [7, p. 136].

This quotation may be estimated as some kind of *compliment* addressed to the emperors of the 18th and the 19th centuries, who appeared on top of the «state interests», at least because they had not become «speakers» of nobility interests, which, by definition, appear to be the values of minor notion. Accordingly, in order to determine the state interests, it is necessary in one form or another, to introduce sectional – class or estate – interests, and first of all – the interests of the nobility. For instance, M. Raeff, trying to explain the collapse of Peter III, nevertheless, speaks about the nobility as the collective actor (represented during coup d'Etat in 1762 by guards, as it appears to him) [6, p. 1309].

If the existence of sectional interests and supreme, state and public interests is recognized, then the following question appears to be typical: in what way the same persons, having social binding and participating in the state administration, do distribute their energy between the «state» and sectional interests? On the other hand, subordinate estate and class interests are most commonly defined – as I do my best to indicate above – like more or less understandable economic interests. Consequently, the problem may be reformulated as follows: there are interests of a subordinate group versus commitments of a person, authorized to make a decision. Alas, such an hierarchic definition gives even less opportunities, because it deduces the whole «machine» of mighty autocratic monarchy to... the figure of Caesar.

So, the state has its name, and this name is – Catherine II. And, what an exceptional knowledge did confide in the Princess from Anhalt-Zerbst at the moment, when the Crown touched her head? Did she know something to write home about her Empire, which appeared to be secret for dozens of experienced administrators occupying the highest circles of the imperial bureaucracy?

It was directly stated, for example, by E.V. Tarle, while he was speaking about Catherine II and about international «policy led by N.I. Panin» in his lectures, given in May of 1946: «Catherine gave the orders, Panin made reports, listened and wrote down resolutions of his Monarchess, and dressed them into the written form, in very smart, delicate, and talented manner... then these papers, read by Catherine, were proceeded as it was intended <...> The foreign representatives, habitually, were convinced pretty soon that the full deal had been accomplished by the Empress herself, and that in those cases, when Panin did not agree with the verdict of his Monarchess he only could keep his mind private, and that his own judgment might have no influence upon the action development» [8, p. 5-6]. In Tarle's narration, Her Majesty was omniscient and omnificent. Any parts of the «machine», and its individual representatives just had to keep either being on the high horse and complying with the outstanding qualifications set by the monarch, or being gone out the window and blown to the four winds of heaven. It is unnecessary to remind of that context, and in which kind of environment those Tarle's

¹ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // The American Historical Review, Vol. 75, № 5 (Jun., 1970). P. 1291-1294, 1302.

lectures were given – but you may have to be surprised: Stalin's personality cult was subjected to discrediting long time ago, as for Catherine's cult, nobody ever had an idea of her downgrading.

Meanwhile, the comparison to the 20th century has indeed some certain explanatory power. If we take into account this broad analogy, it becomes possible to compare the delegation of the exclusive status to Russian nobility with the Soviet policy in respect to proletariat. In the same way that the nobility held the central position within the debates concerning the national policy in the 18th century, the proletariat permanently held the limelight of the party leaders in the Soviet Union. However, this issue could hardly become the ground for considering L.M. Kaganovich or N.S. Khrushchev as «representatives of proletariat», in spite of their working class origin. So, you can fairly assume phraseology like «leading ideologists of the proletariat met together in Political Bureau» as meaningless. The extraordinary attention paid by the Soviet leaders to the proletariat, apparently, was associated with the party and ideology consensus of opinions, which existed among the Soviet commanding elite for a number of reasons. I believe that, the similar consensus – certainly, with all possible stipulations in favor of bounds within explanatory power of analogies – also prevailed in the aristocracy environment of the Russian Empire in the latest half of the 18th century.

II

The pattern will change, if the *communicative character* of the political process is considered to be its crucial specification. It is not possible to participate in political performance «mutely», without giving directions and without convincing some other process actors in the necessity of a particular performance. That is why it is possible to presume some political developments as the process of communication. Every other actor and group – no matter how many of them in number – participate in the process indirectly. Their participation depends on what other participants of the communicative process think about them – about their resources, about their ability to function, and about their anticipated reaction.

In the present reference I can suppose that, upon studying the political history of Russia in the 18th century it makes sense to dismiss the notion about collective actors (and, in particular, about the «state interests» or the «class/estate interests») in the capacity of the explanatory model. While analyzing the debates regarding interests of a social group, it is completely not necessary to emphasize one of the parties commanding the *monopoly* against the representation of this group interests. This monopoly is impossible to be determined, neither in the terms of the representation criterion (by recognizing one or another group of actors as representatives of the other more extended group), nor on the basis of criterion regarding fitting of operations of one or another actor to the substantial collective advantages (*qui bono?*). It makes sense to identify in the reverse sequence both advantages and representations in the majority of cases: not like sources of normative action strength and motivation of a participant in political developments, but as *rhetoric strategies*, practiced by the participants of the political developments for the purposes of their objectives achievement, and simultaneously – determining these goals themselves¹.

The history of Peter III deposition distinctively designates these contradictions: if we consider the Manifest of 1762 as the trend indication of the collective actors – either the nobility, or the state, – it is hard to explain, why then the Emperor was dethroned within the same year. *Qui bono?* Well, finding the solution of this problem with the plain inevitability would point at extremely narrow group of persons, behind which it is hardly possible to distinguish broad strata demands, and which has no certain ideology any different from that provided to prevail before the coup d'Etat. I believe so, the famous propositions made by N.I. Panin regarding foundation of the Imperial Council and reorganization of the Senate, which usually are considered to be an effort to put the Autocracy under restraint, and are logically resulting from the coup d'Etat [11, p. 443-463; 12, p. 74], in practice were developed from the analogical suggestions made by other members of the court nobility and the administrative aristocracy (such as D. V. Volkov or M. I. Vorontsov), which had been delivered since before the coup d'Etat and, more importantly, – it had happened even in the time of Elizabeth of Russia. I.V. Kurukin, who is the author providing the most detailed analysis of the coup d'Etat grounds, comes to the conclusion about the decisive role of «cadres musical chairs and slick solutions», which provoked into doing «the dismembering of the advanced bureaucratic structures, the court, and the army» [13, p. 381].

¹ Skinner means that, if the politics is understood as the process of communication, then the contradictions between theory and practice disappear: a speech act determines limits of potential. In this context, no matter how sincere the historical actor was during the process of committing one or another communicative act, – it is important that each communicative act caused a reaction of certain kind from the direction of other actors, who were involved into the process of communication [9, p. 277-303; 10, p. 101-105].

The analysis of the noble concept statements considered by the Catherine Establishment Commission demonstrates clearly as follows: it is not efficient to discuss the *consolidated* noble interest, because the mentioned social stratum was differentiated horizontally (geographically) and vertically (depending on proximity of any particular noble delegate to the circles of the administrative aristocracy and the court nobility). And the conclusions made by A.N. Dolgikh are symptomatic, since he had analyzed in details the array of noble projects regarding the law of serfdom in the periods of Pavel I and Alexander I (in total number of 506 projects), and found out that, against 122 provided conservative projects there were 204 projects suggesting to mitigate the law of serfdom, and 180 ones standing for its complete cancellation [14, p. 25-27]. Even with respect to the most important, and fundamental issue about the law of serfdom, there was no consonance in the noble community, as for individual attitudes from among separate noblemen and political writers, they surrender no integrating reasoning logic!

As can be seen from the above, you may deny the nobility to the title of political actor in respect to the corporate imperial level. And nevertheless, failing to be the collective actor, the nobility anyway took the central position in the political developments of Russia in the century of the Enlightenment. And yet it participated in this process, not in the capacity of the consolidated actor (because some particular noble corporations on the spot might appear as the actors of political developments!), but as the *rhetoric figure*. Such a statement may seem as the methodological contrivance; and in practice it means that the nobility itself did not remain in force in political space of the 18th century, just some various collective actors (groups of the administrative aristocracy and the court nobility) performed.

As I did my best to indicate above, none of these groups can be considered with good reason to be the representatives of the whole nobility or, contrariwise, to be the carrier of the supreme state interest. And still, each of such groups by one way or another designed its own understanding of the nobility in the course of the routes of communication. As can be seen from the above, it is worth making emphasis on communicative nature of the political developments. These circumstances created extremely high elevated threshold of participation in the process under the conditions of monopoly for the authority in Russia of the 18th century for the narrow layer of the court nobility and the administrative aristocracy localized in Saint Petersburg: in order to «make» the politics, it was necessary – in the majority of cases – to reside in the particular place and interact with the narrow group of people.

In such a case it is appropriate to attribute some particular historical public figures to the pool of «noble ideologists» (in case if we use such a type of notion at all) only in case, if these public figures operated with the comprehension of «nobility» in the lines of their political communications. In some other words, *noble ideology* – is the ideology, which appears in the course of talking on behalf of the nobility. But taking into consideration that there are several participants of the communication, it is impossible to repute only *one* manner of speaking about the nobility as the exclusive one, and meeting the interests of the nobility in the capacity of the social stratum. Contrariwise, *several* manners at once to talk on behalf of the nobility, coexisted and competed against each other in the surroundings of the Russian administrative aristocracy and the court nobility in the 18th century; the victory of one of these manners was the subject of particular imperious configuration.

The last but not the least consequence of the political specific character of Russia in the 18th century, was the fact that the logic of action taken by the court nobility and the administrative aristocracy meant as follows: each project had its own critic, for whom the fight for the access to the monarch was real zero sum game. And indeed: the more, for example, N.I. Panin increased his power, by that much Z.G. Chernyshev, G.G. Orlov, A.A. Vyazemsky and other powerful noblemen grew weak. The politically-motivated decisions were made in the atmosphere of constant tension between the border of permissible action (the political language, shared by all members of the court nobility and the administrative aristocracy, which provided means for the dialogue) and particular configurations, which in fact meant zero sum game for the members of *creme de la creme*. Without being elected, neither representing broad social strata, nor possessing any exclusive status according to the blue blood principle, and even not being managers of enormous bureaucratic structures, the members of the court nobility and the administrative aristocracy within the frames of their political activities, first and foremost had to look forward to the access to the monarch, instead of for support of their electorate, and relying on the status or institutional «patrimony».

That is why, the apprehension stated by D. Griffiths and V. Kamendrowsky looks like motivated, since they – while characterizing the economic policy implemented by Catherine II – prefer to talk about «sovereign's opinion», instead of «state interests»: Catherine II «by no means submissively assented to social and economic demands of the nobility, of what the Soviet historians try to convince us; the Empress was always concerned about preservation of the balance between rights and duties in the state <...> In the dispute about merchandising nobility the political stance of the governor, instead of the economic interest of the nobility (rather than the same of the merchantmen, for that mat-

ter) resolved the fate» [15, p. 220-221]. In this context it is constantly important to bring into focus the word itself – *opinion* – to avoid the possibility, at some time, to identify the political stance of the Empress subject to any veer, with some certain supreme imperial benefit superseding any interests of narrow stratification.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ АКТОР ИЛИ РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА? «ДВОРЯНСТВО» И «ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ XVIII в.

Один из доминирующих нарративов российской истории XVIII в. – нарратив борьбы между дворянством и государством. Например, А.В. Шпилов отмечает: «Благородное сословие представляло собой политический класс, единственную страту, обладавшую гражданскими и политическими правами. Начавшаяся еще в XVII в. борьба дворянства за свободу/господство была длительной, но в конце концов увенчалась полным успехом: Манифест 1762 г., а затем и Жалованная грамота 1785 г. официально закрепили за благородным сословием и то и другое» [1, с. 134]. Это замечание служит для настоящей статьи отправной точкой – оно «подсвечивает» именно те ключевые моменты, которые я хотел бы обсудить: характеристику дворянства как *коллективного актора* («политический класс»), который борется и побеждает другого коллективного актора, государство. Ниже я предлагаю рассмотреть подробно две важнейшие проблемы: характеристику дворянства как «политического класса» и его предполагаемую борьбу за свои групповые интересы, в том числе – за «свободу».

I

В целом ряде сегодняшних работ по политической истории¹ дворянство характеризуется как коллективный актор. Можно ли считать его таковым? Классическая работа Г.А. Гуковского, имеющая для политической истории России XVIII в. столь же большое значение, как и для истории литературы, является ярчайшим примером такого марксистского связывания социального, экономического и политического воедино. Экономика определяет политическое мышление, а значит, в большинстве случаев хозяйственной характеристики достаточно, чтобы понять политические действия субъекта. Говоря, например, о «дворянской фронде», Гуковский легко определял те или иные политические события как проявления группового интереса коллективного актора – дворянства [2, с. 124-127].

Как же уловить этого коллективного актора – дворянство? С.М. Троицкий, например, писал о Комиссии о вольности дворянской, созданной Екатериной II в 1762 г.: «Все ее члены независимо от происхождения и принадлежности к различным правящим группировкам, боровшимся за власть и влияние, были единодушны в защите и отстаивании интересов того сословия, к которому они принадлежали». Однако Екатерина II отклонила предложения «дворянских идеологов», что – подчеркивал Троицкий – «свидетельствует об огромном могуществе абсолютной монархии, которая, опираясь на дворянскую гвардию, бюрократию, полицию и другие “рычаги власти”, могла отклонить предложения высших сановников и решать “дворянский вопрос” с учетом интересов всего дворянского государства. <...> Во время работы Уложенной комиссии Екатерина II получила возможность более основательно узнать настроения и требования широких слоев столичного и провинциального дворянства, после чего постепенно осуществила некоторые из их требований, а в 1785 г. издала Жалованную грамоту дворянству» [3, с. 190-192].

Равным образом и И.В. Фаизова расценивает манифест 1762 г. как освободивший «господствующий класс от обязательной государственной службы» и поставивший его тем самым в отношения равенства с государством [4, с. 3]². Соответственно, членов Комиссии о вольности дворянской Фаизова характеризует как «наиболее влиятельных защитников сословных приви-

¹ Подчеркну: я говорю именно о политической истории, поскольку за пределами политической проблематики есть различные способы охарактеризовать дворянство как коллективного актора. Охарактеризовать дворянство как экономического актора возможно, например, проведя комплексный анализ дворянских хозяйств на определенной территории. Сумма показателей даст представление о дворянстве как о коллективном экономическом акторе; по крайней мере, любое дворянское хозяйство участвует в экономическом процессе – производит, накапливает, покупает.

² Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 3.

легий помещиков, тесно связанных со столичным дворянством», приходя к заключению: «Деятельность представителей дворянства была оценена императрицей отрицательно» [4, с. 100-101]¹.

Как видно из приведенных выше цитат, ряд исследователей считают Комиссию о вольности дворянской де-факто органом представителей дворянства. Но, как справедливо отмечает О.А. Омельченко, Комиссия фактически была «правительством России той поры» [5, с.14]²: в ее состав вошли ведущие администраторы империи, и после окончания работы все они (кроме престарелого А.П. Бестужева-Рюмина и нелюбимого Екатериной М.И. Воронцова) успешно продолжили свою карьеру при императрице. Как же получается, что группа высших сановников (да еще и имевшая в составе разночинцев по происхождению, как Разумовский и Теплов) считается «дворянскими идеологами», а не частью того гвардейского-бюрократического-полицейского аппарата, который обеспечивал абсолютизму «огромное могущество»? Каким вообще образом можно определить групповую идентичность дворян, участвующих в государственном управлении? Политика, реализуемая дворянами, сидящими в креслах бюрократов – это политика «дворянская» или все же «государственная»? Как можно быть уверенным в том, что мы действительно ведем речь именно о дворянстве в целом?

Быть может, следует относить тех или иных лиц к числу «дворянских идеологов» по принципу «qui bono»: если те или иные предложения были в пользу дворянских привилегий, то и тех, кто такие предложения выдвигал, следует считать выразителями дворянства? Отчего бы, в конце концов, не считать «дворянских идеологов» своего рода лоббистами? Это обоснованно; конечно, административная вертикаль проводила информацию снизу – вверх, и действия лидеров придворно-административной элиты можно расценивать в категориях лоббизма. Однако в данном случае возникает вопрос: что такое групповые интересы? Что такое, в частности, государственный интерес?

Так, М. Раев отмечал, что никаких следов группового давления дворянства на правительство не видно, а манифест 1762 г. был целенаправленной правительственной мерой, позволившей «отделаться от неадекватно образованного, неэффективного, престарелого персонала» на службе. По мнению Раева, разрабатывавшего концепцию «хорошо организованного полицейского государства», главной целью для российского абсолютизма было «обеспечение максимального развития потенциальных ресурсов Империи и ее населения» [6, с. 1291-1294, 1302]³ в направлении модернизации, секуляризации, бюрократизации и роста экономической активности.

Но в каких случаях можно быть уверенными, что мы действительно ведем речь о государстве? Критерий репрезентативности подвержен тем же трудностям, что и в случае с определением дворянства. Дилемма в том, что политические решения принимают государственные деятели, члены придворно-административной элиты; провести грань между разными идентичностями – сложно, чтобы не сказать – невозможно.

Не меньшие трудности создает и вопрос «*qui bono?*» Можно, пожалуй, сказать, что обычно (и зачастую скорее интуитивно, чем рефлексивно) историки представляют интересы государства как интересы «целого» в противовес разного рода сословных «эгоизмов». Так, Б.Н. Митронов отмечает: «Императоры ни в XVIII в., ни в XIX в. не стали простым рупором дворянских интересов. Самодержавие проявляло достаточную самостоятельность в своей политике, которая чаще всего определялась задачами самой политики и государственными интересами» [7, с. 136].

Эту цитату можно расценивать как своего рода *похвалу* по адресу императоров XVIII и XIX вв., которые оказались на высоте «государственных интересов» хотя бы потому, что не стали «рупором» дворянских интересов, которые по определению предстают интересами низшего порядка. Соответственно, для того чтобы определить государственные интересы, нужно в той или иной форме ввести групповые – классовые или сословные – интересы, прежде всего – интересы дворянства. Например, М. Раев, стараясь объяснить падение Петра III, все же гово-

¹ Там же, с. 100-101.

² Омельченко О.А. Императорское Собрание 1763 года (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001. С. 14.

³ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // The American Historical Review, Vol. 75, № 5 (Jun., 1970). P. 1291-1294, 1302.

рит о дворянстве как коллективном акторе (представленном в перевороте 1762 г., по его мнению, гвардией) [6, с. 1309].

Если признается существование групповых интересов и высшего, государственного интереса, то закономерным выглядит вопрос: каким образом одни и те же лица, обладающие социальной привязкой и участвующие в государственном управлении, распределяют свою энергию между «государственными» и групповыми интересами. С другой стороны, низшие сословные и классовые интересы чаще всего определяются – как я постарался показать выше – более или менее понятными экономическими интересами. Значит, можно переформулировать проблему: интересы группы подчиненных против взглядов лица, уполномоченного принимать решение. Увы, такое иерархическое определение дает еще меньше возможностей, поскольку сводит весь «аппарат» могущественной самодержавной монархии до... фигуры самодержца.

Значит, у государства есть имя, и имя это – Екатерина II. Какое же особое знание открылось принцессе из Ангальт-Цербста в тот момент, когда корона коснулась ее головы? Знала ли она о своей империи нечто такое, чего не знал никто из десятков опытных администраторов, занимавших высшие ярусы имперской бюрократии?

Об этом прямо заявлял, например, Е.В. Тарле, говоря о Екатерине II и о международной «политике Н.И. Панина» в лекциях, прочитанных в мае 1946 г.: «Екатерина приказывала, Панин докладывал, выслушивал и записывал резолюции государыни, облакал их очень умно, тонко, талантливо, в письменную форму... и эти бумаги, прочитанные Екатериной, отправлялись по назначению <...> Иностранные представители очень скоро, обыкновенно, убеждались в том, что все дела вершит сама императрица и что в тех случаях, когда Панин не согласен с мнением государыни, то так он при своем мнении и остается, и его мнение никакого влияния на прохождение дела не оказывает» [8, с. 5-6]. В изложении Тарле Ее Величество всеведуща и всемогуща. Частям «аппарата», его отдельным представителям остается либо быть на высоте и соответствовать выдающимся качествам монарха, или быть отброшенными и разгромленными. Излишне напоминать о том контексте, в котором были прочитаны эти лекции Тарле – но можно и удивиться: сталинский культ уже давно подвергся развенчанию, а вот екатерининский культ никто никогда и не думал развенчивать.

Между тем аналогия из XX в. и впрямь обладает определенной объяснительной силой. Если провести широкую аналогию, можно сравнить наделение российского дворянства исключительным статусом с советской политикой в отношении пролетариата. Подобно тому, как дворянство занимало центральное место в дебатах по вопросам государственной политики в XVIII в., пролетариат постоянно оставался в центре внимания партийных руководителей Советского Союза. Вряд ли, однако, на этом основании можно считать Л.М. Кагановича или Н.С. Хрущева «представителями пролетариата», невзирая на их рабочее происхождение. Формулировку вроде «в Политбюро собрались ведущие идеологи пролетариата» справедливо можно считать бессмысленной. Исключительное внимание советских руководителей к пролетариату было, по-видимому, обусловлено существовавшим по ряду причин среди советской властной элиты партийным, идеологическим консенсусом. Полагаю, сходный консенсус – конечно, со всеми оговорками на счет пределов объяснительной силы аналогий – существовал и в среде элиты Российской империи второй половины XVIII в.

II

Картина изменится, если считать ключевой характеристикой политического процесса его *коммуникативный характер*. Невозможно участвовать в политике «молча», не отдавая распоряжений и не убеждая других участников процесса в необходимости тех или иных действий. Можно поэтому считать политический процесс процессом коммуникации. Все остальные акторы и группы – сколько бы их ни было – участвуют в процессе опосредованно. Их участие зависит от того, что о них – об их ресурсах, об их способности действовать, об их предполагаемой реакции – думают участники коммуникативного процесса.

В данной связи я могу предположить, что при изучении политической истории России XVIII столетия имеет смысл отказаться от понятия о коллективных акторах (и, в частности, о «государственных интересах» или «классовых/сословных интересах») как объяснительной модели. При анализе дебатов об интересах социальной группы вовсе не обязательно выделять одну сторону, обладающую *монополией* на представление интересов этой группы. Эту монополию невозможно определить ни на основании критерия репрезентативности (признавая ту или иную группу акторов представителями более широкой группы), ни на основании критерия соответствия действий того или иного актора действительным коллективным выгодам (*qui bono?*). И выгоду, и репрезентативность в большинстве случаев имеет смысл рассматривать в обратном

порядке: не как источники нормативной силы и мотивации действий участников политического процесса, а как *риторические стратегии*, применяемые участниками политического процесса для достижения своих целей и одновременно – определяющие сами эти цели¹.

История свержения Петра III отчетливо обозначает эти противоречия: если рассматривать Манифест 1762 г. как выражение интересов коллективных акторов – дворянства ли, государства ли, – трудно объяснить, почему же император был свергнут в том же году. *Qui bono?* Поиск ответа на этот вопрос со всей неизбежностью указывает на крайне узкую группу лиц, за которой вряд ли можно разглядеть требования широких слоев и у которой не найти какой-то идеологии, отличной от той, что бытовала до переворота. Так, знаменитые предложения Н.И. Панина по созданию Императорского совета и реформе Сената, которые обычно считаются попыткой ограничить самодержавие, логично вытекающей из переворота [11, с. 443-463; 12, с. 74], на деле развивали аналогичные предложения других членов придворно-административной элиты (таких как Д. В. Волков или М. И. Воронцов), сделанные еще до переворота и, более того, – еще при Елизавете Петровне. И.В. Курукин, которому принадлежит наиболее детальный анализ причин переворота, приходит к выводу о решающей роли «перетасовки кадров и непродуманных решений», спровоцировавших «отторжение головных бюрократических структур, двора и армии» [13, с. 381].

Анализ дворянских предложений в екатерининской Уложенной комиссии ярко демонстрирует: говорить о едином дворянском интересе невозможно, поскольку этот социальный слой был дифференцирован горизонтально (географически) и вертикально (в зависимости от близости конкретного дворянского депутата к кругам административно-придворной элиты). Показательны и выводы А.Н. Долгих, детально проанализировавшего массив дворянских проектов о крепостном праве эпохи Павла I и Александра I (общим числом 506 проектов) и обнаружившего, что на 122 консервативных проекта приходилось 204 проекта, предполагавших смягчение крепостного права, и 180 – выступавших за полную его отмену [14, с. 25-27]. Даже по важнейшему, фундаментальному вопросу о крепостном праве в дворянской среде не было единства, а индивидуальные позиции отдельных сановников и публицистов не поддаются никакой обобщающей логике!

Таким образом, дворянству можно отказать в звании политического актора применительно к общеимперскому уровню. И, однако, не будучи коллективным актором, дворянство все же занимало центральное место в политическом процессе России века Просвещения. Однако участвовало оно в этом процессе не как единый актор (акторами политического процесса могли выступать конкретные дворянские корпорации на местах!), но как *риторическая фигура*. Такое утверждение может показаться методологическим кунштюком; на деле же оно означает, что само дворянство в политическом пространстве XVIII в. не действовало, действовали лишь различные коллективные акторы (группировки административно-придворной элиты).

Как я постарался показать выше, ни одна из этих группировок не может с полным основанием считаться представительницей всего дворянства или, напротив, носителем высшего государственного интереса. Однако каждая из таких группировок тем или иным образом конструировала свое понимание дворянства в ходе коммуникации. Акцент, таким образом, стоит сделать на коммуникативном характере политического процесса. Это особенно высоко поднимало порог участия в процессе в условиях монополии на власть в России XVIII в. узкого слоя локализованной в Санкт-Петербурге придворно-административной элиты: чтобы «делать» политику, нужно было – в большинстве случаев – находиться в конкретном месте и общаться с узкой группой людей.

В таком случае относить конкретных исторических деятелей к числу «дворянских идеологов» (если уж использовать такое понятие) уместно лишь в случае, если эти деятели оперировали понятием «дворянство» в своей политической коммуникации. Иными словами, *дворянская идеология* – это идеология, возникающая в ходе разговора о дворянстве. Но поскольку участников коммуникации несколько, невозможно считать какую-то одну манеру говорить о дворянстве единственной, отвечающей интересам дворянства как социального слоя. Напротив, сразу несколько манер говорить о дворянстве сосуществовали и конкурировали между собой в среде

¹ Скиннер говорит о том, что, если понимать политику как процесс коммуникации, противоречия между теорией и практикой исчезают: речевой акт определяет границы возможного. В этом смысле не важно, насколько искренним был исторический актор, совершая тот или иной коммуникативный акт, – важно, что каждый коммуникативный акт вызывал определенного рода реакцию со стороны других акторов, вовлеченных в процесс коммуникации [9, с. 277-303; 10, с. 101-105].

российской административно-придворной элиты XVIII в.; победа одной из этих манер была вопросом конкретной властной конфигурации.

Не менее важным следствием политической специфики России XVIII в. было и то, что логика действия административно-придворной элиты означала: у каждого проекта находился критик, для которого борьба за доступ к монарху была настоящей игрой с нулевой суммой. В самом деле: насколько усиливался, например, Н.И. Панин, настолько же ослабевали З.Г. Чернышев, Г.Г. Орлов, А.А. Вяземский и другие влиятельные сановники. Политические решения принимались в пространстве постоянного напряжения между границей возможного (политическим языком, разделявшимся всеми членами административно-придворной элиты и обеспечивавшим возможность диалога) и конкретными конфигурациями, которые для членов элиты означали игру с нулевой суммой. Не будучи избранными и не представляя широкие социальные слои, не располагая особым статусом по аристократическому происхождению, не являясь руководителями громадных бюрократических структур, члены административно-придворной элиты должны были в своей политической деятельности рассчитывать в первую очередь на доступ к монарху, а не на избирателей, статус или ведомственную «вотчину».

Обоснованным поэтому выглядит мнение Д. Гриффитса и В. Камендровского, которые – характеризуя экономическую политику Екатерины II – предпочитают говорить о «взглядах правителя», а не о «государственных интересах»: Екатерина II «отнюдь не уступала смиренно социально-экономическим требованиям дворянства, в чем пытаются нас убедить советские историки; императрица всегда заботилась о сохранении в государстве равновесия прав и обязанностей <...> В споре о торгующем дворянстве исход решали политические взгляды правителя, а не экономические интересы дворянства (или купечества, если уж на то пошло)» [15, с. 220-221]. В данном случае всегда важно подчеркнуть само слово – *взгляды* – чтобы в какой-то момент не отождествить подверженные переменам политические взгляды императрицы с неким высшим государственным благом, превалирующим над узкосословными интересами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шипилов А.В. «Благородство» против «подлости» (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства) // *Общественные науки и современность*, – 2007. – № 1. – С. 132-144.
2. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. – М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936.
3. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке / Сборник статей и публикаций. – М.: Наука, 1982.
4. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. – М.: Наука, 1999.
5. Омельченко О.А. Императорское Собрание 1763 года (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. – М.: МГИУ, 2001.
6. Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // *The American Historical Review*. – Vol. 75. – № 5 (Jun., 1970).
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
8. Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 12 мая 1945 года. – М.: Объединение государственных издательств при СНК РСФСР, 1945.
9. Skinner Q. Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // *Political Theory*. – Aug., 1974. – Vol. 2, № 3. – P. 277-303.
10. Skinner Q. Liberty before Liberalism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
11. Ransel D. Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II // *Canadian Slavic Studies*. – 1970. – Vol. IV. № 3. – P. 443-463.
12. Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // *Вопросы истории*. – 2001. – № 7. – С. 71-91.
13. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725 – 1762 гг. – Рязань, 2003.
14. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII – первой четверти XIX вв.: опыт анализа // *Известия Самарского научного центра РАН*. – 2011. – № 1-3. – С. 25-31.
15. Griffiths D., Kamendrowsky V. The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship between Catherine II and the Russian Nobility // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. N.F. Bd. 26. 1978. H.2. – P. 198-221.

REFERENCES

1. Shipilov A.V. 'Nobility' versus 'Vileness' (Specific character of formation of Russian nobility estate culture) [*Blagorodstvo* protiv *podlosti*] (Specifica formirovanija soslovnoy kultury russkogo dvorjanstva). Social Sciences and the Modernity = *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2007, № 1. Pp. 132-144.
2. Gukovsky G.A. Ocherki po istorii russkoj literatury XVIII veka. Dvorjanskaja fronda v literature 1750 – 1760-h godov [Sketch book on history of Russian literature in the 18th century. Noble Fronde in literature of 1750–1760th.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences, 1936.

3. *Troitsky S.M.* Rossiya v XVIII veke. Sbornik statej I publikatsij [Russia in the 18th Century. Collector of articles and publications.]. Moscow, Nauka, 1982.
4. *Faizova I.V.* 'Manifest o volnosti' I sluzhba dvorjanstva v XVIII stoletii [«The Manifest Proclamation on liberty» and nobility service in the 18th century]. Moscow, Nauka, 1999.
5. *Omelchenko O.A.* The Imperial Assembly in 1763 (Commission on noble liberty): Historical sketch. Documents. – M.: MSHU, 2001
6. *Raef M.* The Domestic Policies of Peter III. The American Historical Review, Vol. 75, № 5 (Jun., 1970).
7. *Mironov B.N.* Social history of Russia in the period of Empire (18th c. – beginning of 20th c.). Genesis of personality, democratic family, civil society, and constitutional state. [Socialnaja istorija Rossii perioda Imperii (XVIII – nachalo XIX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'ji, grazhdanskogo obschestva I pravovogo gosudarstva. T.2.] Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1999.
8. *Tarle E.V.* Catherine the Great and her diplomacy. Stenographic lecture, delivered on May 12, 1945. [Ekaterina Vtoraja I ee diplomatija. Stenogramma lekcii, chitannoi 12 maja 1945 goda.]. M.: Association of State publishing Houses affiliated with CPC RSFSR, 1945.
9. *Skinner Q.* Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. Aug., 1974. Vol. 2, №. 3. Pp. 277-303
10. *Skinner Q.* Liberty before Liberalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
11. *Ransel D.* Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II. Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. IV. № 3. Pp. 443-463.
12. *Minaeva N.V.* Nikita Ivanovich Panin. Voprosy istorii, 2001, № 7. Pp. 71-91.
13. *Kurukin I.V.* The Epoch of «Court Blizzards»: Sketch book on political history of Post-Petrine Russia, 1725 – 1762. [Epocha 'dvorskih bur': Oчерki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725 – 1762 gg.]. Ryazan, 2003.
14. *Dolgih A.N.* Peasants matter in Russia within noble projects at the end of 18th – the first quarter of 19th centuries: experience of analysis. [Krestjanskij vopros v Rossii v dvorjanskikh proektah kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX vv.: opyt analiza]. Izvestiya of Samara research center of RAS, 2011, № 1-3. Pp. 25-31.
15. *Griffiths D., Kamendrowsky V.* The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility. Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. N.F. Bd. 26. 1978. H.2. Pp. 198-221.

Information about the author

Bugrov Konstantin D., Candidate of History, Researcher, Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com

Received: 09.11.2015

For citation the article: Bugrov K.D., Collective actor or rhetoric figure? "The nobility" and "the state" in political process of the 18th century in Russia. [Kollektivnyy aktor ili ritoricheskaya figura? «Dvoryanstvo» i «gosudarstvo» v politicheskom protsesse Rossii XVIII v.]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 11-21.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-11-21

Информация об авторе

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

Получена: 09.11.2015

Как цитировать статью: Бугров К. Д., Коллективный актер или риторическая фигура? «дворянство» и «государство» в политическом процессе России XVIII в. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. с. 11-21.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-11-21